

Екатерина КОУТИ
Елена ПРОКОФЬЕВА

ОКНО
ИСТОРИЮ

An illustration of two women in 19th-century attire. The woman on the left is shown in profile, wearing a dark hat with a large, light-colored plume and a dress with a fur collar. The woman on the right is facing her, wearing a dark, high-collared dress with a large bow at the neck and a matching hat with a plume. The background is a textured, light-colored wash.

**Джейн Остен
и ее современницы**

bhv®

ОКНО
В
ИСТОРИЮ

Екатерина КОУТИ
Елена ПРОКОФЬЕВА

Джейн Остен и ее современницы

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург»
2015

УДК 929+94
ББК 63.3(0)5
К73

Коути, Е. К.

К73 Джейн Остен и ее современницы / Е. К. Коути,
Е. В. Прокофьева. — СПб.: БХВ-Петербург, 2015. —
368 с. — (Окно в историю)

ISBN 978-5-9775-3504-5

Книга повествует о Джейн Остен и ее самых известных современницах, чьи книги, поступки и скандалы сформировали облик Англии конца XVIII — начала XIX века. Некоторые из этих женщин принадлежали к высшему свету, другие же пробились наверх благодаря целеустремленности и отваге. Жизненный опыт каждой был отмечен взлетами и падениями, блистательными свершениями и страшными трагедиями. Поклонникам Остен будет интересно рассмотреть ее жизнь и творчество в контексте биографий ее знаменитых современниц.

Для широкого круга читателей

УДК 929+94
ББК 63.3(0)5

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Евгений Рыбаков</i>
Зав. редакцией	<i>Екатерина Капальгина</i>
Редактор	<i>Татьяна Шапошникова</i>
Компьютерная верстка	<i>Ольги Сергиенко</i>
Корректор	<i>Зинаида Дмитриева</i>
Дизайн серии	<i>Марины Акининой</i>
Оформление обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>

Подписано в печать 30.09.14.

Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23.

Тираж 2500 экз. Заказ №

"БХВ-Петербург", 191036, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 20.

Первая Академическая типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

ISBN 978-5-9775-3504-5

© Коути Е. К., Прокофьева Е. В., 2015

© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2015

Оглавление

Предисловие	11
Глава I. Джейн Остен.....	15
Глава II. Герцогиня Джорджиана и счастливый треугольник	57
Глава III. Мария Фитцгерберт, тайная жена принца-регента.....	83
Глава IV. Оскорбленная королева Каролина.....	105
Глава V. Дора Джордан — актриса, фаворитка и многодетная мать	139
Глава VI. Эмма Гамильтон: «прекрасная вакханка».....	169
Глава VII. Фанни Берни — предтеча Джейн Остен.....	201
Глава VIII. Безумная Мэри Лэм, убийца и нежная сестра.....	233
Глава IX. Первая феминистка Англии Мэри Уолстонкрафт.....	253
Глава X. Любовь и кошмар Мэри Шелли	279
Глава XI. «...И демоном была ты мне!» Леди Каролина Лэм	307
Глава XII. Шантажистка Харриэт Уилсон: «Публикуй, и будь ты проклята!»	337
Избранная библиография	363
Источники на русском языке.....	363
Источники на английском языке.....	363

Посвящается нашим мамам,
Людмиле Треножниковой и Ирине Чернышевой

Авторы выражают благодарность
Алие Зубаировой и *Людмиле Треножниковой*
за помощь в работе над текстом,
а также *Екатерине Пекур*, *Анне Вурье* и *Наталье Райбман*
за предоставленные фото

Предисловие

поха Джейн Остен... Шумные балы и поездки на воды, катания в фаэтонах и, казалось бы, совсем невинные домашние спектакли, за которые можно схлопотать выговор от главы семейства, прогулки по аллеям старинных усадеб, ампирные платья-колонны с завышенной талией, изящные манеры и улыбка на устах, даже когда кажется, что мир вокруг рушится...

Мир Остен ассоциируется у современных читателей в первую очередь с эпохой Регентства. То был блестящий, но недолгий период с 1811 по 1820 год, когда Великобританией правил принц Георг, заменивший на троне своего безумного отца. На самом деле, Джейн Остен застала лишь первую половину Регентства, ведь слишком рано угасла ее собственная свеча. Большая же часть жизни писательницы припала на XVIII столетие, а тогда Англия была совсем иной.

Мы уже привыкли к образу английского джентльмена XIX века, застегнутого на все пуговицы, но символом XVIII века, согласитесь, все-таки остается гуляка и балагур Джон Буль, любитель ростбифа, выпивки и сальных шуток. Нравы были свободнее — как в народе, так и среди аристократии. Хотя строжайший придворный этикет никто не отменял, джентльмены вне парламентской сессии вели себя как им вздумается, без оглядки на мораль. Своих женщин они тоже не изнуряли запретами: знатные дамы заводили любовников, пока их мужья деликатно смотрели в

сторонку, куртизанки превращались в леди, сельские простушки собирали аплодисменты в светских салонах. Хотя неравенство полов существовало и тогда, от женщины все еще не требовалось быть «ангелом в доме», и при наличии таланта или же деловой сметки она могла сама зарабатывать себе на жизнь.

Но история мчалась вперед. На смену экономическим проблемам, вызванным войнами с Францией, пришло благосостояние, вольнодумство сменилось набожностью, и забавы отцов вызывали у молодежи смущенную улыбку. В новом столетии потребовалась иная мораль. Постепенно Англия становилась сдержанной, трудолюбивой, сентиментальной, в чем-то ханжеской и нетерпимой, именно такой, какой мы знаем ее по романам Чарльза Диккенса и Шарлотты Бронте — но не по романам Остен.

Свою внутреннюю свободу, свою искренность в сочетании с иронией Джейн Остен почерпнула именно из английского общества конца XVIII века, а утонченность — из начала XIX столетия. Грань веков — то было время сражений не только на поле брани, но и на скользком паркете салонов, время мужественных, властных мужчин и сильных женщин, которые не только стояли за спиной героев, но и сами влияли на судьбу страны. О знаменитых женщинах, сформировавших портрет той эпохи, и пойдет речь в этой книге.

Познакомившись с биографией Остен, вы узнаете поближе и ее современниц. Вы побываете в салоне герцогини Джорджианы Кавендиш — эталона стиля, одной из влиятельнейших дам Англии. Ею восхищались, ей подражали, ее ненавидели. Если герцогиня Джорджиана уже знакома вам по фильму с Кирой Найтли, вас ждет сюрприз: любовный треугольник, который так волновал герцогиню в фильме, на самом деле полностью ее устраивал в жизни.

Две другие особы, с которыми вы сведете тесное знакомство, приходились женами принцу-регенту. Обе. Одновременно. Речь идет о принцессе Каролине, законной жене Георга, и о простолюдинке Марии Фитцгерберт, с которой

повеса-принц тоже сочетался браком. Узнав о похождениях Георга, вы навсегда измените свое мнение о Регентстве, да, пожалуй, и о человечестве в целом.

Не отставал от брата и принц Вильгельм, будущий король Вильгельм IV. Его многолетний роман с актрисой Дорой Джордан, подарившей ему десятеро детей, казался воплощением семейственности. Дора считала принца своим мужем... пока на горьком опыте не убедилась, что закон сурово карает подобную наивность.

Как и Дора Джордан, Эмма Гамильтон, чье имя известно каждому, знала триумф и падение. Дочь кузнеца, она взяла от жизни все — не только богатство и титул, но и славу, став любимой женщиной адмирала Нельсона. Увы, ее счастье, казавшееся таким прочным, вдребезги разбилось от одной пули меткого стрелка.

Хотя Джейн Остен по праву считается лучшей писательницей своего времени, у нее были как предтечи, так и конкурентки. Фанни Берни, любимый автор Остен, никогда не сияла на литературном небосклоне. Считается, что ей мешала застенчивость. Тем не менее, на долю скромницы выпало столько приключений, что хватило бы на роман-эпопею — служба при королевском дворе, эмиграция во Францию и одна из самых страшных операций, которая только случается в жизни женщины.

В отличие от робкой Фанни Берни, Мэри Уолстонкрафт рьяно отстаивала свои права, недаром же ее считают первой английской феминисткой. Одна из самых ярких личностей конца XVIII века, Уолстонкрафт была надолго предана забвению: всему виной скандальные подробности ее биографии, возмущавшие англичан. Ее дочь Мэри Шелли унаследовала материнский талант и написала одно из самых страшных произведений мировой литературы — роман «Франкенштейн». Впрочем, судьба самой писательницы оказалась не менее трагичной, чем у порожденного ею чудовища, в чем-то даже схожей со скитаниями души, брошенной Творцом...

Детская писательница Мэри Лэм представляется нам тетушкой-наседкой в чепце и всегда с чашечкой чая наготове.

Повстречав ее, вы никогда в жизни не смогли бы заподозрить, что когда-то мисс Лэм зарезала родную мать...

Творчество и безумие тесно переплелись и в биографии леди Каролины Лэм, любовницы лорда Байрона. Когда поэт покинул леди Каролину, ее жизнь неумолимо покатила по наклонной плоскости. Тем не менее, Каролина Лэм нашпалаки способ поквитаться с Байроном и со всем высшим светом — с помощью литературы.

О том, что начертанное слово способно рушить жизни, отлично знала куртизанка Харриет Уилсон. Оставшись не у дел и без средств к существованию, в своих мемуарах она прошлась по всем своим покровителям, включая герцога Веллингтона, а затем попыталась шантажировать каждого «фигуранта» публикацией и тиражированием скандальной рукописи. Участь Харриет Уилсон прекрасно иллюстрирует теневую сторону эпохи Остен — ту самую, которую вы не найдете на страницах ее романов.

Рассмотренные как единое целое биографии современниц Остен помогут вам лучше понять мир, в котором жила и творила писательница — мир далекий, манящий своей необычностью, удивительный, но вместе с тем так похожий на наш.

Глава I

Джейн Остен

Человек, будь то джентльмен или леди, не получающий удовольствия от хорошего романа, должен быть безнадежно глуп.

Джейн Остен

16 декабря 1775 года в семье священника Джорджа Остена из Стивентона и его жены Кассандры произошло событие из разряда малопримечательных — родился седьмой по счету ребенок, да еще и девочка. Новорожденную нарекли «Джейн», хотя могли бы назвать иначе, ведь в семье в числе прочих встречались имена Филадельфия, Элизабет и, конечно, Мэри. Но музы уберегли английскую литературу от Филадельфии Остен.

Отец радовался, что Дженни унаследовала его карие глаза, счастливая мать подыскивала ей кормилицу, родственники поздравляли Остенов с пополнением семейства (или, напротив, возмущались их плодовитостью: «Джордж рано или поздно поймет, что завести семью проще, чем ее обеспечить», — ворчал зять из Индии). Когда шумиха вокруг появления нового члена семьи стихла, Джейн оставили в покое. Еще один ребенок. Всего лишь девочка. Никто ведь и предположить не мог, что дочь сельского священника однажды затмит своих современников, что имя скромной старой девы зазвучит по всему миру, что эпоха Регентства для потомков будет ассоциироваться вовсе не с принцем Георгом, а с мистером Дарси и Элизабет Беннет — героями Джейн Остен.

Предполагаемый портрет Джейн Остен

* * *

Если бы в 1775 году родители Джейн узнали о ее грядущей славе, они были бы, конечно, поражены, однако вряд ли стали бы обращаться с дочерью лучше. Потому что взаимоотношения в семье Остен и без того были любящими, теплыми, гармоничными.

Отец Джейн происходил из старинной кентской семьи, хотя и не дворянской: его предки были суконщиками, передававшими свое ремесло из поколения в поколение. Но семейная ветвь, к которой принадлежал Джордж, отошла от ткачества. Его отец Уильям работал хирургом в Тонбридже и, увы, не считался джентльменом — на благородство мог-

ли претендовать только доктора, закончившие университет, но никак не костоправы. Из его многочисленных отпрысков выжили двое — сын Джордж и дочь Филадельфия.

Отважная Филадельфия уехала в Индию на поиски мужа. Такой способ обустроить личную жизнь набирал обороты среди англичанок, и Филадельфия была в числе первопроходцев. В Индии она вышла замуж за хирурга Тайсо Хэнкока, прибывшего в колонию, чтобы сколотить капитал. Ее супруг придерживался правила: чем меньше в семье детей, тем проще их обеспечить, поэтому Хэнкоки ограничились одним-единственным ребенком. Их дочь Элизабет, впоследствии Элиза де Фейд, сыграла огромную роль в жизни своих кузенов, включая и Джейн.

Джордж Остен рассчитывал на церковную карьеру, для чего отучился в Оксфорде, где прослыл «пригожим проктором¹». Он и правда был хорош собой — статный, кудрявый, кареглазый. В 1760 году он принял сан священника, а четыре года спустя взял в жены Кассандру Ли.

По своему происхождению Кассандра была выше мужа. Ее предок был лордом-мэром Лондона при королеве Елизавете, а среди родни, хотя и весьма отдаленной, встречались герцоги. Но семья Кассандры не претендовала на титулы: ее отец служил ректором, сестра тоже вышла замуж за ректора Эдварда Купера, и Кассандре ничего не оставалось, как последовать ее примеру.

Учитывая, что Джейн Остен с детства была окружена священнослужителями, неудивительно, что она часто упоминает их на страницах своих романов. Однако священник священнику рознь. Важно помнить, что англиканские священники делились на три основные категории. Ректор претендовал на всю десятину — т. е. десятую часть дохода, которую выплачивали на нужды священника и церкви все прихожане. В некоторых случаях за ректором могло значиться два или даже три прихода, с которых он собирал де-

¹ Должностное лицо в Оксфорде, в чьи обязанности входил надзор за студентами.

сятину. Чтобы не разрываться между ними, ректор назначал vikaria, т. е. своего заместителя, который постоянно проживал в приходе и получал только часть десятины. Наконец, у священника мог быть помощник (curate), обычно молодой священник, проходивший стажировку в приходе. Помощник помогал ректору или vikariu вести приходские дела и заменял его на службе, если тому требовалось отлучиться. За свои труды помощник получал довольно скромное жалованье.

Священник получает десятину

Назначениями священников, как ректоров, так и викариев, в большинстве случаев ведал помещик, в чьих владениях располагалась приходская церковь. На ум сразу же приходит спесивая леди Кэтрин де Бург из «Гордости и предубеждения», назначившая ректором прониру мистера Коллинза. Неудивительно, что Коллинз так пресмыкался перед ней, ведь его судьба зависела от благоволения помещицы.

К счастью для мистера Остена, ему не приходилось заискивать. Его благодетелем стал богатый родственник Томас Найт, владелец многочисленных поместий, обладавший правом назначать ректора в том числе в городке Стивентоне, графство Гемпшир. За свою щедрость мистер Найт не требовал раболепия, хотя впоследствии попросил у Джорджа нечто иное — отдать ему одного из сыновей! Еще один состоятельный дядюшка приобрел для Джорджа ректорство в двух соседних приходах Эш и Дин в расчете, что Джордж займет то место, которое освободится первым. Так что Кассандра Ли выходила замуж за человека обеспеченного.

Мистер Остен не мог ввести жену в высшие круги общества, зато он предлагал ей стабильность и почет. Это было как раз то, что интересовало Кассандру. Матушка Джейн Остен всегда отличалась практичностью: даже замуж вышла не в шитом по случаю наряде, а в красной шерстяной амазонке, которую носила еще несколько лет, а потом пустила на курточку для сына. В Стивентоне она хлопотала по дому, присматривала за выпечкой хлеба, живо интересовалась коровами — Остены держали целых пять — и смущала детей тем, что чинила белье прямо в гостиной на глазах у всех.

Как и подобает семье духовного лица, Остены исполняли завет «плодитесь и размножайтесь». В 1765 году родился первенец Джеймс, за ним последовали Джордж (1766), Эдвард (1768), Генри (1771), Кассандра (1773), Фрэнсис (1774), Джейн (1775) и Чарльз (1779). Многочисленные роды не подорвали здоровья миссис Остен, и все ее дети благополучно дожили до взрослого возраста — большое достижение по

меркам XVIII века, когда детская смертность затрагивала даже королевскую семью.

Но, как говорил мистер Уэстон из «Эммы», в каждой семье есть свои секреты. Остенам тоже было что скрывать. Мистер и миссис Остен были опечалены рождением умственно отсталого сына Джорджа. Его имя крайне редко встречается в переписке Остенов. Однако Джейн упоминала, что может общаться на языке жестов, поэтому есть вероятность, что ее брат был глухонемым. Мальчик с детства воспитывался в деревне, возможно, в той же семье, которая заботилась о младшем брате Кассандры Ли — он тоже родился с задержками в развитии.

Остальные сыновья обеспечивали себя сами. Когда Джейн делала свои первые шаги, ее брат Джеймс уже готовился к поступлению в Оксфорд. Он собирался пойти по отцовским стопам. Кроме того, в священники прочили Генри, любимца Джейн. Но Генри, с его склонностью к авантюрам, находил церковную службу скучной и подумывал об армии. Фрэнку и Чарльзу суждено было служить во флоте.

Все мальчики немного завидовали Эдварду, который неожиданно-негаданно вознесся над братьями. Томас Найт и его бездетная супруга предложили усыновить Эдварда и сделать его наследником своего огромного состояния. А если бы Эдвард скончался бездетным, все их богатство перешло бы к одному из его братьев. Предложение было заманчивым, и миссис Остен, скрепя сердце, отпустила Эдварда жить к Найтам.

Это был мудрый поступок: годы спустя Эдвард обеспечил и овдовевшую мать, и незамужних сестер. Кроме того, в усыновлении не было ничего странного. В наши дни на Западе укоренилась модель нуклеарной семьи, состоящей только из родителей и их детей. Однако в XVIII столетии семьи выглядели совершенно иначе. Дело даже не в многодетности: состав семей был более разнородным. Под одной крышей вместе с родителями и детьми жили бабушки и овдовевшие тетушки, незамужние кузины и племянники-сироты, не говоря уже о воспитанниках всех степеней род-

Мистер Остен представляет сына Эдварда мистеру и миссис Найт

ства. Поэтому Остены не удивились просьбе Найтов, ведь они тоже брали к себе племянников.

Кроме того, вместе с Остенами постоянно проживали ученики, которых мистер Остен обучал за деньги. Одним из них был сын Уоррена Гастингса, генерал-губернатора Бенгалии, водившего дружбу с Филой Хэнкок. Мальчик недолго прожил в Стивентоне и скончался от тифа, но Гастингс сохранил благодарность Остенам. В свою очередь, могущественный губернатор был настоящим героем в семье Остенов, и Джейн была польщена, когда он похвалил «Гордость и предубеждение». Когда в 1788 году Гастингс был предан суду за взяточничество и жестокость, Остены встали на его защиту. К их радости, антикоррупционный процесс века закончился в 1795 году оправданием Гастингса.

* * *

Джейн Остен любила просторный двухэтажный пасторат в Стивентоне, где с утра до вечера звучал задорный смех мальчишек. Она охотно принимала участие в играх братьев, но еще больше ей нравилось проводить время со старшей сестрой. Кассандра восхищалась Джейн, хотя их характеры были несхожи: пылкая насмешница Джейн тщетно училась

у Кассандры смирению и рассудительности. Пожалуй, сестер можно сравнить с Элинор и Марианной из «Чувства и чувствительности» или с Джейн и Лиззи из «Гордости и предубеждения». Их темпераменты отлично дополняли друг друга.

Дома девочки делили спальню и маленькую смежную гостиную, где стояло фортепиано Джейн и сохли акварели Кассандры. Если же Кэсси гостила у родни, Джейн засыпала ее письмами, значительная доля которых сохранилась до наших дней.

Джейн во всем подражала Кассандре, и их почтенная матушка уверяла, что, если Кэсси приговорят к отрубанию головы, Дженни немедленно пожелает того же. Когда в 1782 году Кассандру и кузину Джейн Купер отослали в пансион, семилетняя Джейн увязалась вслед за ними. Учеба продлилась всего лишь несколько месяцев: в школе вспыхнула эпидемия «гнилостной лихорадки», т. е. сыпного тифа, и матери забрали девочек домой. Угроза была действительно серьезной — хотя девочки выздоровели, миссис Купер заразилась от дочери и вскоре скончалась.

Вторая попытка отправить девочек в пансион была предпринята в 1785 году. На этот раз Кассандра и Джейн набирались учености в заведении мадам ла Турнель в Беркшире. За французским псевдонимом скрывалась англичанка Сара Хаккитт, весьма колоритная особа с деревянной ногой. Ученицы строили догадки, как именно директриса обзавелась странной конечностью, а в оставшееся от этих умствований время изучали французский, чистописание, географию и вышивание. В школе царил ленивая, расслабленная атмосфера: директриса без конца сплетничала о своих любимых актерах, а молоденькие учительницы являлись на утренние занятия в папильотках.

Через полтора года родители вернули девочек в Стивентон. Обучение сестры продолжили уже дома. Отец сам давал им уроки французского и итальянского, а мать учила танцевать, музицировать, вышивать и вести хозяйство: именно эти навыки считались необходимыми для барышень

Женские занятия. Гравюра XVIII века

на выданье. Кроме того, в доме имелась огромная библиотека — более 500 томов, по тем временам, да еще и для провинции, просто невероятное количество книг! Книжные полки никогда не запирались от дочерей. Джейн с детства могла читать что угодно, от «Истории Англии» Голдсмита до произведений Филдинга, Ричардсона и Стерна, а также популярной романистки Фанни Берни.

Стоит отметить, что отношение к романам оставалось подозрительным даже во второй половине XVIII века. Когда-то их так ругали за чрезмерную фантазию, что иные романисты, как Даниэль Дефо в «Молл Флэндерс», утверждали, что описывают реальных людей. Особенно вредными романы считались для девичьих умов. Романы критико-

вали и справа и слева: об их дурном влиянии писала как христианская моралистка Ханна Мор, так и феминистка Мэри Уолстонкрафт.

Но мистер и миссис Остен не считали нужным ограничивать круг чтения дочерей. Хотя Джейн Остен благодаря своим самым известным произведениям ассоциируется с эпохой Регентства, с его завышенными талиями и утонченными манерами, большая часть ее жизни все-таки пришла на XVIII столетие. Нравы тогда были грубоватыми, но личная свобода все еще ценилась. Именно из XVIII века берет начало и широкий кругозор Остен, и ее ироничный взгляд на вещи, и ее глубокая, но при этом спокойная и ненавязчивая вера в Бога.

Любимым развлечением в семье Остенов, помимо прогулок и чтения по вечерам, были домашние спектакли. Летом их ставили в амбаре, на Рождество — в гостиной, у натопленного камина. Обычно пьесы предлагал кто-нибудь из братьев, уже посмотрев их в театре, точно так же как Джон Йейтс из романа «Мэнсфилд-парк»: «...любовь к театру столь всеобща, а стремление выступать на сцене у молодых людей столь сильно, что его разговоры явно упали в добрую почву. Начиная с распределения ролей и до самого эпилога, все пленяло, и лишь немногие не желали бы принять в этом участие или не решились бы попробовать себя в какой-нибудь роли». В этих постановках, в основном комедиях, принимали участие все дети мистера и миссис Остен. Любила их и Джейн.

Тут поневоле возникает вопрос — почему же роман «Мэнсфилд-парк» представляет домашний спектакль в таком негативном свете? Фанни Прайс и рассудительный Эдмунд протестуют против этой затеи, и, в конце концов, представление запрещает сэр Томас Бертрам. Почему Остен переменяла свое отношение к спектаклям?

Причина, вероятно, кроется в том, что любительницей домашних спектаклей была ее кузина Элиза.

После смерти мужа тетушка Фила вернулась в Европу вместе с дочерью. По большей части они жили во Франции,

но иногда навещали пасторат в Стивентоне. Когда Джейн исполнилось одиннадцать, Элиза вышла замуж за француза, графа де Фейда, но в 1786 году вернулась в Англию вместе с сыном и вновь зачастила в Стивентон. Прелестное, почти кукольное личико Элизы, ее обаяние и живые манеры вскружили голову братьям Остенам. Больше всех ею был очарован Генри, любимый брат Джейн, и она не могла не ревновать. В домашних спектаклях Элизе доставались главные роли, что тоже отравляло Джейн всю радость. Рядом с титулованной родственницей она чувствовала себя простушкой.

Годы спустя она выместила обиду в «Мэнсфилд-парке»: в образе дерзкой кокетки Мэри Кроуфорд угадываются черты Элизы де Фейд. Разница между романом и реальностью заключалась в том, что, в отличие от Мэри, Элиза де Фейд добилась своего. Она отняла у Джейн сердце ее любимого брата.

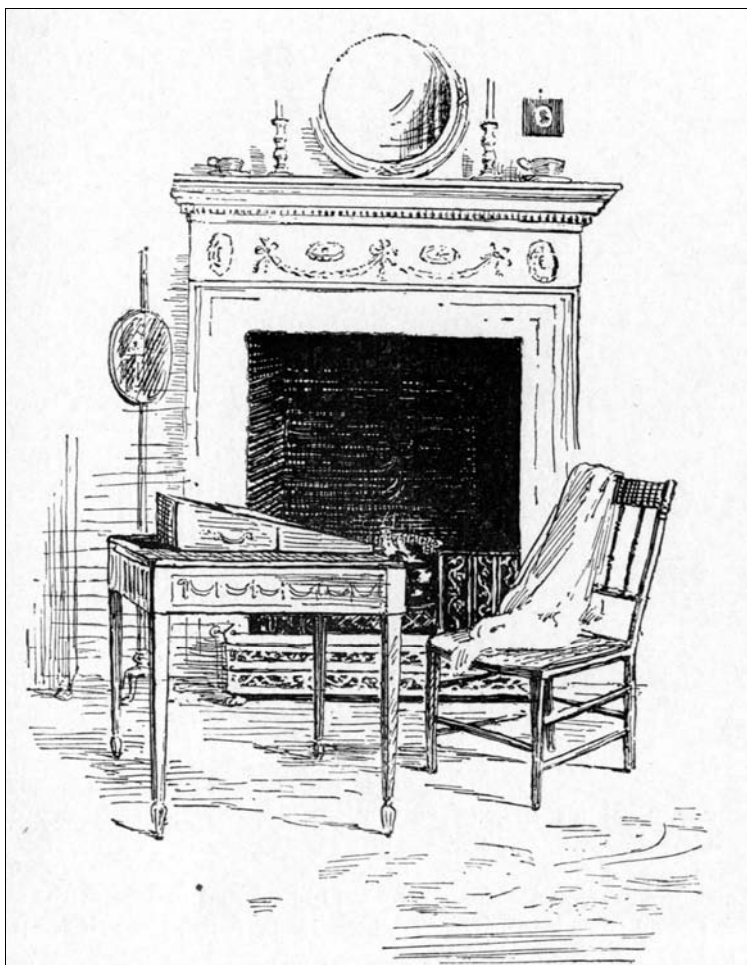
В 1794 году Элизу постигло несчастье — во время революции погиб на гильотине ее муж. С того времени вдова проводила все больше времени в Стивентоне, а в 1797 году вышла замуж за Генри. Джейн пыталась помешать их отношениям, даже подыскала Генри другую невесту, но ему нужна была только Элиза. Чтобы угодить ей, он отказался от намерения принять сан. Джейн была ужасно расстроена.

Хотя жизнь была ей не подконтрольна, она могла распоряжаться ею в пространстве романа. Поэтому юный священник Эдмунд Бертрам достался не кокетке Мэри, а скромнице Фанни Прайс. Справедливость восторжествовала. По крайней мере, в глазах Остен.

* * *

Первые пробы пера Джейн Остен сделала в двенадцать лет. Уже в столь юном возрасте она демонстрировала свой «фирменный» иронический взгляд на вещи. Одним из ее первых произведений стала пародия на сентиментальные романы «Любовь и дружба» (правописание никогда ей не давалось). То-то, должно быть, покатывались со смеху братья

и сестры, когда Джейн читала им новую сатиру на чувствительных барышень: «Увы, я умираю от горя, ведь я потеряла возлюбленного моего Огастеса! Один роковой обморок стоил мне целой жизни. Остерегайся обмороков, любезная Лора, впадай в бешенство, сколько тебе будет угодно, но не теряй сознания...»

Рабочий стол и пюпитр Остен

Вот еще один типичный юношеский роман в двенадцати главах:

«Прекрасная Кассандра

Глава 1

Кассандра была дочерью, и дочерью единственной прославленной модистки с Бонд-стрит. Отец ее отличался благородством происхождения, ибо приходился близким родственником дворецкому герцогини ***ой.

Глава 2

Когда Кассандра достигла шестнадцатилетия, была она приветлива и мила, и волею случая, влюбившись в элегантный капор, только что законченный ее матушкой для графини ***, надела оный капор на свою благородную голову и ушла из матушкиного магазина на поиски счастья.

Глава 3

Первым повстречался ей виконт ***, юноша знаменитый своей ученостью и добродетелями не менее, нежели изяществом и красотой. Она сделала ему реверанс и пошла дальше.

Глава 4

Затем она пришла в кондитерскую, где проглотила шесть порций мороженого, отказалась за них платить, сбила с ног кондитера и ушла прочь.

Глава 5

Затем она поймала наемную карету и велела отвезти ее в Хэмпстед, но как только карета прибыла туда, повелела кучеру разворачиваться и везти ее назад.

Глава 6

Вернувшись на то же самое место, откуда она отправилась в путь, кучер потребовал плату.

Глава 7

Она обшаривала свои карманы, но каждый раз поиски были бесплодны. Найти денег она не смогла. Кучер же становился все настойчивее. Тогда она нахлобучила свой капор ему на голову и убежала.

Глава 8

Много улиц миновала она, не находя приключений, покуда на углу Блумсбери-сквер не повстречала Марию.

Глава 9

Кассандра вздрогнула, и Мария казалась удивленной. Обе затрепетали, зарделись, побледнели и разошлись в обоюдном молчании.

Глава 10

Затем Кассандру поприветствовала ее приятельница вдова, коя просунула свою головку через узкое окошко и спросила, как та поживает. Кассандра сделала ей реверанс и прошла дальше.

Глава 11

Через четверть мили она оказалась под родительским кровом на Бонд-стрит, где отсутствовала почти 7 часов.

Глава 12

Она вошла, и ее достойная матушка прижала ее к своей груди. Кассандра улыбнулась и прошептала про себя: «Как хорошо прошел день».

Юношеские сочинения Остен составили три тома, обозначенные, соответственно, Том Первый, Том Второй и Том Третий. И если в первом томе содержались юмористические зарисовки вроде приведенной выше, для третьего тома Остен написала повести «Кэтрин» и «Эвелин». Мистер Остен так гордился достижениями дочери, что на 19-й день рождения подарил ей пюпитр из красного дерева. Наклонная поверхностью пюпитра позволяла писать, не нагибаясь над столом, а во внутреннем ящике можно было хранить листы бумаги. Лучший подарок для писателя!¹

В семье Остен литературными талантами блистала не только Джейн. Джеймс Остен писал стихи и прозу, а миссис Остен развлекала детей шутивными экспромтами. Но именно Джейн твердо решила стать профессиональным пи-

¹ В настоящее время пюпитр хранится в Британской библиотеке.

сателем. Для этого требовалось недюжинное трудолюбие. Джейн переписывала свои юношеские произведения, исправляла стилистические ошибки, дорабатывала сюжеты.

Но не меньше, чем трудолюбие, ей требовалось мужество. Еще с XVII века, со времен драматурга и романистки Афры Бен, англичанки теснили мужчин на литературном Олимпе. Огромной популярностью пользовались романы Фанни Берни, Энн Рэдклифф, Марии Эджворт. Тем не менее, профессиональная литературная деятельность считалась неподходящим занятием для леди. Ведь настоящие леди не работают за деньги, их обеспечивают родители и мужья. В прологах к романам писательницы извинялись, что вообще взялись за перо, и взывали к великодушию критиков. Фанни Берни называла свое творчество «писанина». Мария Эджворт пряталась в тени властного отца. Доморощенных писательниц высмеивали все, кто только мог, включая Ханну Мор. Она негодовала: «Что, если леди, которая напрочь лишена таланта, образования и понимания окружающего ее мира, чье обучение ограничивается книгами из платной библиотеки, вдруг почувствовала душевное недомогание? На ум ей приходит написание романа как лучший способ развеять печаль! Или же она оказалась в затруднительных обстоятельствах? Что, как не роман, поправит ее положение! (...) Способности и развитие ума ныне так редко принимаются во внимание, что написание книги кажется самым верным способом заработать, который всегда доступен необразованным лентяйкам».

В таких условиях трудно было назвать свое творчество не «писаниной», а работой, и относиться к нему соответственно. Это смогла бы не каждая писательница. Но Джейн Остен смогла.

В 1793—1794 годы она сочиняла эпистолярный роман «Леди Сюзан» о развратной вдове, которая подыскивает богатых мужей для себя и своей дочери. Роман так и не был доработан. В 1795 году Остен написала еще один эпистолярный роман «Элинор и Марианна», ставший затем основой «Чувства и чувствительности». В 1796 году были на-

чаты «Первые впечатления», черновой вариант «Гордости и предубеждения». Черновиками романов зачитывалась вся семья, и Джейн Остен часто упоминала их в письмах. «Я не удивлена, что ты хочешь вновь прочесть "Первые впечатления", ведь ты читала их так редко и так давно», — писала она Кассандре в 1799 году. Позже она шуточно отзывалась о подруге, которая снова попросила черновик: «Она очень хитра, но я разгадала ее намерения: она хочет опубликовать его по памяти, и еще одно прочтение позволит ей это сделать!»

В 1797 году мистер Остен предложил издателю «рукопись романа в трех томах по длине сравнимую с "Эвелиной" Берни». Но издателя рукопись не заинтересовала.

Работа над черновиками плавно перетекла из XVIII в XIX столетие. В каждый новый вариант Остен добавляла отсылки к современным событиям, например, упоминание недавно опубликованной книги. Таким образом, ее романы казались более актуальными, даже если были написаны десяток лет назад.

* * *

У романов Остен была и другая отличительная черта. Практически все они посвящены поиску мужа. В этом нет ничего странного: для девиц Остен, как и для большинства их современниц, этот вопрос был животрепещущим.

Джейн и Кассандра считались бесприданницами, что существенно снижало их шансы на брак. Ведь брак только заканчивался венчанием и свадебным путешествием, в которое, к слову, было принято захватывать кого-то из родственников. Начинался он с обсуждения приданого и составления брачного договора. Это было слияние не только двух душ, но и финансов двух семей. А мистер Остен ничего не мог дать за дочерьми.

Возможно, будь Джейн писаной красавицей, она бы с легкостью нашла мужа. Но она не отличалась красотой. Ее племянница Каролина составила такой портрет тетушки: «Ее лицо было скорее округлым, чем вытянутым, с ярким, но не слишком розовым румянцем, с чистой смугловатой

кожей и красивыми карими глазами... Ее каштановые волосы вились от природы и обрамляли лицо короткими завитками».

До нас дошло два прижизненных портрета Джейн Остен. Один — акварельный набросок ее сестры Кассандры, ко-

Предполагаемый портрет Джейн Остен кисти Озайаса Хамфри

торый был значительно приукрашен для последующих изданий Остен. Другой, изображающий девочку-подростка, якобы был заказан у знаменитого светского живописца Озайаса Хамфри богатым двоюродным дедом Остен, чтобы продемонстрировать ее потенциальным женихам. Исследователи до сих пор спорят, изображена ли на этом портрете Джейн или какая-то иная особа. Оба портрета рисуют Джейн не слишком привлекательной барышней: маленькой, пухленькой и невзрачной. Впрочем, Джейн была обаятельна, весела, чудесно танцевала и просто обожала балы.

Смирный нрав тоже пригодился бы Джейн на ярмарке невест. Однако отзывы о ее характере весьма противоречивы. «Джейн вовсе не хороша и ужасно чопорна, не скажешь, что это девочка двенадцати лет... Джейн ломается и жеманничает», — так пишет о своей кузине маленькая Филадельфия Остен. Соседка Остенов, миссис Митфорд, которая знала сестер Остен девочками, писала, что Джейн — «самая очаровательная, глупенькая и кокетливая стрекоза и охотница за женихами», каких ей случалось в жизни видеть. Напротив, Каролина восхищалась тетей Джейн, хотя и не могла отрицать, что та порою подшучивала над соседями. Зато со своими племянниками она была сама доброта. Словом, покорная женушка из мисс Джейн Остен вряд ли бы получилась. «Острый язычок и пронизательность, да притом еще себе на уме — это поистине страшно!» — век спустя писала Вирджиния Вульф.

* * *

Отсутствие приданого не мешало Джейн Остен влюбляться, точно так же как святая обязанность для девушки ее круга найти себе достойного супруга не мешала ей отвергать предложения руки и сердца.

Ее первой и, возможно, единственной любовью стал молодой ирландец Том Лефрой. Почему-то считается, что Лефрой стал прообразом мистера Дарси. Но своими поступками Том напоминает скорее малодушных Бингли или Виллоуби, нежели Дарси.

Джейн близко дружила с теткой Тома, миссис Энн Лефрой, женой викария из Эша. Разница в возрасте между женщинами была велика, но Энн ценила в Джейн остроумную собеседницу и считала ее ровней. Можно даже сказать, что миссис Лефрой была лучшей подругой Остен — за исключением Кассандры, но та была вне конкуренции. И, конечно, миссис Лефрой было приятно, что Джейн и Том заинтересовались друг другом.

Они познакомились в декабре 1795 года. Том приехал к тете с дядей на рождественские каникулы из Лондона, где изучал юриспруденцию. Трудлюбивый и амбициозный, Том рассчитывал на большое будущее в судах Ирландии. Однако занудой мистер Лефрой не был. Напротив, он обожал танцы и флирт с прелестными барышнями. Рождество считалось порой балов, и как раз на балу Том был представлен Джейн. Ему было девятнадцать лет, ей — на год больше.

В письме к Кассандре Джейн писала со свойственной ей иронией, что единственный недостаток Тома — его страсти к белым сюртукам. Во всем остальном Джейн считала Тома настоящим совершенством. «Я почти боюсь признаться тебе, — писала она, — как мы вели себя с моим ирландским другом. Представь себе самое распутное и шокирующее поведение: мы танцевали вместе и сидели рядом... Я уверяю тебя: он весьма воспитанный, милый, красивый молодой человек. Но все так смеются над ним из-за меня, что он стыдится своих визитов в Стивентон и попросту сбежал во время моего недавнего визита к миссис Лефрой».

Чтобы шокировать провинциальных кумушек, требовалось немного — всего лишь протанцевать вместе два-три танца подряд. А ведь Джейн и Том не отходили друг от друга! Мысленно миссис Лефрой уже успела их повенчать. Она даже устроила еще один бал, чтобы дать Тому и Джейн шанс познакомиться поближе. Видимо, Джейн разгадала ее намерения. Она признавалась Кассандре: «...Сегодня вечером я ожидаю от моего ирландского друга предложения ру-

ки и сердца; я ему, конечно же, откажу, если только он не пообещает расстаться со своим белым сюртуком».

Но Джейн, конечно же, не собиралась ему отказывать. Она действительно была влюблена в «своего ирландского друга». Но, как писала сама же Остен: «Женщины придают слишком большое значение единственному восхищенному взгляду». Она рассчитывала на взаимность и горько ошиблась.

Матери Лефроя не понравилась бы столь же бедная бесприданница, как ее пятеро дочерей: миссис Лефрой надеялась, что обаятельный Том сможет найти себе какую-нибудь богатую наследницу. Того же мнения придерживался и его лондонский дядя Бенджамин, ведавший семейными финансами. Впрочем, Том вряд ли стал бы прекословить дядюшке. Он и сам понимал, что выгодный брак поможет ему выбиться в люди. И когда на родине, в Ирландии, ему подвернулась подходящая барышня с приданым, он начал ухаживать уже за ней.

Вернувшись к тете через два года, Том даже не заехал навестить Джейн. Миссис Лефрой пришлось самой сообщить о его визите. Это был тягостный разговор, достойный романов Остен. Как Энн из «Доводов рассудка», Джейн ждала весточки от Тома, но не решалась спросить о нем напрямую. А миссис Лефрой была так расстроена, что не смела упомянуть изменника. Положение спас мистер Остен, который осторожно расспросил ее о Томе. Лишь тогда она рассказала, что вскоре Том возвращается в Лондон, а оттуда едет в Ирландию — видимо, навсегда.

Миссис Лефрой так и не простила племянника за то, что «он так дурно повел себя с Джейн Остен». Она затаила обиду на всю свою жизнь, которая, впрочем, оборвалась слишком скоро. В 1804 году миссис Лефрой погибла, упав с лошади, и Джейн еще долго оплакивала эту утрату.

Том Лефрой прожил долгую жизнь, пережив Джейн Остен на добрых пятьдесят лет и добившись многого: став, например, лордом верховным судьей Ирландии. Он даже породнился с Джейн Остен, правда, иным способом — ее внучатая племянница вышла замуж за его сына. Уже в ста-

рости, когда Лефроя спросили о его недолгом романе со знаменитой писательницей, он ответил, что любил ее «мальчишеской любовью».

Что же оставалось делать Джейн после утраты Тома? Разве что смириться, беря пример со старшей сестры. Кассандра переживала свою трагедию. В 1795 году она была помолвлена с молодым священником Томасом Фаулом. Как и Лефрой, ее Томас был беден, но он искренне полюбил бесприданницу. Знатный покровитель Томаса обещал надеть его приходом, но лишь через несколько лет. До тех же пор Фаулу предстояло служить капелланом в полку лорда. Вместе с полком он отчалил на Карибские острова, но в 1797 году скончался от лихорадки. После его смерти Кассандра уже не помышляла о замужестве.

Внучатая племянница Джейн Остен упоминала об еще одном кавалере тети: «Летом 1801 года отец, мать и дочери путешествовали по Девонширу. (...) они познакомились с молодым священником, приехавшим навестить своего брата, одного из городских докторов. Он и Джейн влюбились, и когда Остены собрались уезжать из города, он попросил разрешения составить им компанию в пути. Разрешение было ему дано, но вместо его появления в назначенный час они получили письмо, извещавшее о его кончине. В воспоминаниях тети Кассандры он представал одним из самых обаятельных людей, которых она когда-либо встречала, достойным даже тети Джейн». Эта история не подтверждена ничем, кроме воспоминаний племянницы, так что ее можно назвать семейной легендой.

Тем не менее, реальные предложения руки и сердца все-таки поступали. В 1798 году Сэмюэл Блэкэлл, еще один знакомый Лефроев, подумывал о том, чтобы поближе познакомиться с мисс Джейн. Однако Остен он совершенно не заинтересовал. Она едко писала сестре: «По всей вероятности, он не приедет в Гэмпшир на Рождество, так что наше равнодушие, скорее всего, станет взаимным, если только его чувства, возникшие из незнания обо мне совершенно ничего, не подпитываются отсутствием встреч».